

тех же художественных задач, что и в собственно прозе», в то время как «Булгаков мог бы, пожалуй, вполне добросовестно сказать о себе: днем я пишу собачью ерунду, а ночью – повесть для потомства» [2, 106].

Взаимоотношения М. Булгакова с «новой фельетонной традицией, которая уже успела сложиться за несколько лет» [Там же], были, на наш взгляд, не столь однозначными. М. Чудакова права, когда, характеризуя фельетонный язык М. Булгакова, отмечает отсутствие цельности авторской повествовательной позиции: «В рассказе “от автора” вдруг начинают звучать немотивированно грубые ноты, заимствованные из “соседнего” сказа, – естественные последствия работы сугубо профессиональной, держащейся на голом навыке, а не на решении внутренних художественных задач» [2, 105]. При этом исследовательница все же указывает на разницу между «обличительными» гудковскими фельетонами (С 1922 по 1926 год в газете «Гудок») было напечатано более 120 репортажей, очерков и фельетонов М. Булгакова) и «бытописательными» фельетонами, созданными для берлинского издательства «Накануне», в которых: «Булгаковский герой-рассказчик, потеряв свое место в определенной иерархии, не потерял в своих глазах. Человек неопределенных занятий (здесь остранено обычное, официальное наименование свободного художника) для *других*, для себя самого он сохраняет прежнюю определенность – и на этом основывает свою повествовательную позицию» [2, 103].

Заключение. Несмотря на верность многих наблюдений М. Чудаковой, было бы не совсем правильно объяснить смешение разных типов повествовательной речи у раннего М. Булгакова разностью художественных задач автора или тем более «серьезностью/несерьезностью» его отношения к той или иной писательской «работе». Ведь не только в «гудковских» фельетонах, но и в рассказах того же времени можно встретить стилистическую «сбивчивость» речи, не всегда, казалось бы, мотивированное заимствование инородных словесных оборотов, смешение «чужого» сказового и «своего» авторского слова. Эта «сбивчивость», как нам представляется, вовсе не случайная. В то время как М. Зощенко открыто избегает прямого авторского слова, замещая ее «аномалиями» (М. Чудакова) современной речи, М. Булгаков ищет свой собственный, «булгаковский» голос – и именно на фельетонном, плодородном для такой работы, материале. В этом смысле «гудковская», публицистическая в большинстве, сатира была важным и необходимым этапом в становлении Булгакова-художника.

Список литературы

1. Булгаков, М.А. Собрание сочинений: в 5 т. / М.А. Булгаков; редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. – М.: Худож. лит., 1992. – Т. 2: Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. – 751 с.
2. Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко / М.О. Чудакова. – М.: Издательство «Наука», 1979. – 200 с.

ИСТОЧНИКИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БЕЛАРУСИ

*Е.Н. Горегляд
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Заглавия статей – первое, на что обращает внимание читатель, просматривая периодическое издание. В заголовке сконцентрирована информация о содержании последующего текста; он зачастую является определяющим фактором для вердикта читателя – ознакомиться с материалом статьи либо отложить газету в сторону. Поэтому так важно создать яркий, притягательный, интригующий заголовок. С этой целью всё чаще журналисты используют в качестве заголовков прецедентные тексты – «единицы своеобразного культурного тезауруса языковой личности». Изучению явления прецедентности посвящены работы целого ряда лингвистов – Ю.Н. Караулова, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, Г.Г. Слышкина, Н.Д. Бурвиковой и др. По определению Е.А. Земской, прецедентными могут быть тексты, использованные как в неизменном (цитация), так и в трансформированном (квазицитация) виде, хорошо известные широкому кругу лиц и обладающие свойством повторяемости в разных текстах [1, 158].

Цель нашего исследования – установить источники прецедентизмов, выявленных в результате анализа заголовков русскоязычных печатных периодических изданий Беларуси.

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили заголовки следующих периодических изданий Республики Беларусь: «Аргументы и факты в Беларуси» (далее –

АиФ), «Комсомольская правда в Беларуси» (далее – КП), «Советская Белоруссия» (далее – СБ), «Народная газета (далее – НГ), «Рэспубліка», «Беларускі час» (далее – БЧ), «Витьбичи». В ходе анализа фактического материала применялась комплексная методика исследования, включающая метод контекстного анализа, элементы статистического анализа, метод наблюдения.

Результаты и их обсуждение. По сфере бытования прецедентные феномены делят на социумно-прецедентные (известны любому среднему представителю того или иного социума; в журналистских текстах не используются, т.к. известны узкому кругу людей); национально-прецедентные (известны любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества) и универсально-прецедентные (известны современному человеку и, следовательно, входят в «универсальное» когнитивное пространство). В периодической печати Беларуси активно используются прецедентные тексты двух последних групп.

Анализ показал, что приоритетным источником прецедентности в анализируемых изданиях являются песенные тексты (около 33%). Им свойственна «универсальность» языка, поскольку песня – элемент массовой культуры:

Когда мы были молодыми (Витьбичи) – строка из песни «Когда мы были молодыми» (текст Ю.Мориц, музыка С.Никитин); *Свадьба пела и плясала* (СБ) – строка из песни «Свадьба» (текст Р.Рождественского, музыка А.Бабаджаняна); *Эх, яблочко, да на тарелочке* (Витьбичи) – строка из народной песни «Яблочко»; *Связанные одной цепью* (СБ) – название песни В. Бутусова; *Всю жизнь глядят в ночь усталые глаза* (НГ) – строка из песни «Дальнобойщик» (текст К. Арсеньева, музыка И.Зубкова); *Поверь! Не бойся! И проси!* (КП) – ср.: трансформированная строка из песни группы «Тату» *Не верь! Не бойся! Не проси!* и др.

Исследователи публицистического стиля отмечают активизацию использования в средствах массовой информации пословиц, поговорок и крылатых выражений. Это явление свойственно и русскоязычным периодическим изданиям Беларуси (около 28% употреблений):

Незванный гость хуже татарина (Витьбичи); *Нет худа без добра* (СБ); *Ни рыба ни мясо* (АиФ); *Скупой платит дважды* (Витьбичи); *Не имей сто рублей, а имей сто идей* (НГ) – ср.: трансформированная пословица *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* и др.

Третью строчку в «рейтинге» занимают названия произведений художественной литературы – русской (около 13%) и зарубежной (около 6%):

Горе от ума (АиФ); *Мертвые души* (Витьбичи); *По улицам Ваенгу водили* (Витьбичи) – ср.: трансформированная строка из басни И. Крылова «Слон и Моська»; *Герой не нашего времени* (СБ) – ср.: трансформированное название романа М. Лермонтова «Герой нашего времени»; *Пролетая над ядерным грибом* (АиФ) – ср.: трансформированное название романа К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»; *Маленькая хозяйка большого бакса* (КП) – ср.: трансформированное название романа Дж. Лондона «Маленькая хозяйка большого дома» и др.

Нередко при составлении заголовков журналисты обращаются к российской и зарубежной фильмографии (около 14%):

Картина маслом (Рэспубліка) – ср.: фраза Гоцмана из российского сериала «Ликвидация» (режиссер С.Урсуляк); *Огласите весь список, пожалуйста!* (СБ) – ср.: фраза из советского фильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (режиссер Л.Гайдай); *Очнулся – гинс!* (АиФ) – эту фразу неоднократно повторял главный герой советской комедии «Бриллиантовая рука» (режиссер Л.Гайдай); *Береги автомобиль!* (НГ) – ср.: трансформированное название фильма Э. Рязанова «Берегись автомобиля»; *Несчастливое число «Витебска»* (Витьбичи) – ср.: трансформированное название фильма «Счастливое число Слевина» (режиссер П. МакГиган); *Место сечи изменить нельзя* (БЧ) – ср.: трансформированное название фильма «Место встречи изменить нельзя» (режиссер С. Говорухин) и др.

Названия телевизионных «продуктов» при создании заголовков статей белорусскими журналистами используются нечасто (около 6%):

В поисках утраченного (СБ) – ср.: «В поисках утраченного» – телевизионная программа, выходявшая ранее на первом российском канале; *Жить здорово!* (НГ); *Давай поженимся!* (Витьбичи) – названия российских программ, ретранслируемых каналом ОНТ; *Сам себе менеджер* (Рэспубліка) – ср.: трансформированное название программы «Сам себе режиссер» (РТР, ведущий А. Лысенков) и некот. др.

Пока ещё единично используются в качестве заголовочных конструкций рекламные тексты, но думается, что вскоре можно будет наблюдать активизацию этого процесса:

Шок – это по-нашему (Витьбичи) – ср.: реклама шоколадного батончика «Шок»; *Вкус на зависть, качество на совесть* (Витьбичи) – реклама майонеза «Махеев».

Заключение. Изучение заголовочных конструкций русскоязычных печатных средств массовой информации Беларуси позволило выявить пять основных источников для создания прецедентных заголовочных конструкций: песенные тексты, фольклор, русскую и советскую художественную литературу, российскую и зарубежную фильмографию, названия телевизионных программ. Наиболее востребованным источником прецедентных заголовков в белорусских печатных СМИ являются произведения фольклора и песенные тексты.

Список литературы

1. Земская, Е.А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М., 1996. – С. 157–168.
2. Горегляд, Е.Н. Прецедентность в заголовочных конструкциях (на материале белорусской периодической печати) / Е.Н. Горегляд // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. Випуск 20. – Кам'янець-Подільськи: Аксіома, 2009. – С. 126–130.
3. Горегляд, Е.Н. Об одном из способов структурной трансформации прецедентных текстов в периодической печати Беларуси / Е.Н. Горегляд // Журналистика в коммуникативной культуре современности: материалы пятой научно-практической конференции. 29–30 октября 2015 г. / Новосибирский гос. Ун-т. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – С. 50–53.
4. Фокина, О.В. Источники интертекстуальных включений в языке современных газет: Монография / О.В. Фокина – М.: МПГУ. – Ярославль, 2008. – 340 с.

МЕМУАРНЫЙ ТЕКСТ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕТРОСПЕКЦИИ И ПРОСПЕКЦИИ

В.В. Горнак
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Гавриил Иванович Добрынин (1752–1824) – мемуарист конца XVIII – нач. XIX века. Книга «Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске» [1] состоит из 3-х частей. Часть первая повествует о детстве, отрочестве и юности мемуариста – до 1777 года. Часть вторая рассказывает о службе чиновника Г.И. Добрынина в Рогачеве, Могилеве и Витебске. В третьей части сообщается о нашествии и изгнании войск Наполеона из города Витебска в 1812 году.

Ценность записок Г.И. Добрынина очень высока, ибо по живописности бытовых сцен, типичности человеческих характеров, по сатирической силе и, наконец, бесспорным литературным способностям многие первые читатели видели в авторе воспоминаний отдаленного предшественника Н.В. Гоголя, Н.Г. Помяловского [2].

Среди духовных потребностей, побудивших Г.И. Добрынина взяться за перо, сам же мемуарист называет следующие: *Нет, думаю, ни одного человека изь могущих мыслить, которому не приходила когда-нибудь мысль: "кто я? где я? откуда я пришел? что вижу я? и куда пойду?" и подобныя сему мысли.* [1, 3]. (Орфография и пунктуация памятника здесь и в дальнейшем частично сохранены. – В.Г.).

Цель настоящей работы заключается в попытке выявления характера взаимодействия ретроспекции и проспекции в мемуарном тексте.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужили мемуары Г.И. Добрынина [1]. Методы исследования – описательный, лингвистическое комментирование.

Результаты и их обсуждение. Для повествования Гавриила Добрынина характерна довольно строгая хронология – *и я въ первый разъ, на 26-мъ году моего века; 20 июля 1777 года; въ начале 1785г.; 1793, 1794, 1795 и почти весь 1796 годы; 1810-й годъ есть тотъ, въ которой века моего оканчивается 59-й годъ, в томъ числе со вступленія въ службу 36-й; спустя два часа после обеда.* В тексте присутствуют и более "мелкие" отрезки времени – *в начале 1785г.; приходите завтра; на другой день после полудня; через несколько месяцев; в течение двух недель.* Очевидно, первоначально мемуарист собирался строить свой текст как последовательное жизнеописание, но постепенно повествование, оставаясь, по всей видимости, правдивым (истинным) фактологически, все больше приобретает характер художественного (беллетризованного) литературного произведения. Личностно-субъективное начало становится все более значимым в тексте: *Время научить, какъ съ людьми жить на свете.* Это объясняется тем, что время в мемуарах Добрынина характеризуется как непрерывностью (последовательностью), так и дискретностью (прерывистостью). Последовательность проявляется в том, что мемуарист достаточно методично, год за годом, событие за событием, повествует о своей жизни. Читатель получает в итоге истинное и достаточно подробное жизнеописание человека. Такая манера из-